

«Киевлянин» 1898, 15 октября, № 285.

с. 1 К вопросу о психологии поэтического творчества (Речь, произнесенная на акте Киево-Фундуклеевской и Подольской женских гимназий).

творческие замыслы; послѣдняя отбѣлка еще не вполне оформившагося поэтического образа происходила у него, какъ и у другихъ писателей, при дѣятельномъ участіи мысли; вопліи сознательно дорисовывалъ онъ одиѣ черты, уничтожалъ другія, пользуясь для этого обширнымъ запасомъ впечатлѣній отъ дѣйствительной жизни, хранившихся то непосредственно въ его воображеніи, то занесенныхъ въ разное время здѣсь или тамъ на бумагу. Не будь у поэта въ запасѣ этихъ реальныхъ наблюденій, онъ никогда бы не смогъ при самомъ сильномъ творческомъ талантѣ создать вполне реальный художественный образъ, такъ какъ ему не откуда было-бы почерпнуть краски для этого образа. Откуда-же, однако, и какъ добыть себѣ поэтъ эти краски? Любопытно прослѣдить за тѣмъ, какъ собираютъ поэты запасъ наблюденій, безъ которыхъ немислимо создание реальныхъ произведений искусства.

Въ комедіи Чехова «Чайка» есть одно мѣсто, которое нагляднымъ образомъ знакомитъ съ этимъ собраніемъ поэтами впечатлѣній. Беллетристъ Тригоринъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, говоритъ, какъ его мысль постоянно занята запоминаніемъ разнообразныхъ впечатлѣній, могущихъ ему пригодиться впоследствии: «Видю вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ нибудь въ рассказѣ, что являю облако, похожее на рояль. Нахвостъ геліотропомъ. Скорѣе мотаю на усь: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Довлю себя и вась на каждомъ словѣ, на каждой фразѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кла-

довую, — авось, пригодятся!». Тутъ-же, въ разговорѣ съ другими дѣйствующими лицами комедіи, Тригоринъ дѣлаетъ замѣтки въ своей записной книжкѣ, спѣшитъ занести на бумагу мелькнувшій въ его головѣ сюжетъ разсказа. По всей вѣроятности, Чеховъ изобразилъ тутъ отчасти процессъ собственной литературной работы. По крайней мѣрѣ, совершенно такимъ-же способомъ накапливалъ матеріалъ для своего творчества многие изъ нашихъ лучшихъ писателей. Въ этомъ отношеніи особенно много данныхъ мы имѣемъ опять таки относительно Гоголя. Въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько отрывковъ изъ записныхъ книжекъ, куда онъ каждый день вносилъ все, что подмѣчалъ или слышалъ въ обществѣ, — характерные житейскіе случаи, особенно мѣлкія и удачныя слова и выраженія, стараясь закрѣпить ихъ на бумагѣ, говоря его словами, «пока мѣстъ не простыли». Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ этихъ записныхъ книжекъ, показывающихъ, что даже художественный, необыкновенно мѣлкій языкъ произведеній Гоголя не есть результатъ непосредственнаго вдохновенія, а въ значительной степени основанъ на сознательной переработкѣ матеріала, почерпнутаго изъ дѣйствительности. Такъ, въ записной книжкѣ подъ 1842-мъ годомъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія выраженія: изъ воды сухъ выйдетъ; чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ; мальчишка сказывалъ кондуктору: «молчи ты, подколесная пыль!»; выраженіе квартальнаго: «люблю деспотировать съ народомъ совсѣмъ деэабиляе»; выраженіе Поздрева: «сыгралъ, какъ молодой полубогъ» и мног. др. Ясное дѣло, всѣ эти выраженія поразили Гоголя...

г. в. Александровскій